

1 ВСТРЕЧИ С Н.К.РЕРИХОМ В 1926 ГОДУ

Я имел редкое счастье увидеться, познакомиться и провести несколько бесед с великим художником, поэтом, мыслителем, кого в Индии называли Риши - Николаем Константиновичем Рерихом.

Вместе с ним в Советском Союзе была его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич. Знакомство с Юрием Николаевичем было продолжено в 1957 году, когда он вернулся в Советский Союз.

Кроме того, в течение ряда лет я постоянно общался с Борисом Константиновичем, с которым меня познакомила Зинаида Григорьевна Фосдик в 1927 году.

Дневниковые записи о встречах погибли в годы войны, поэтому лишь с трудом приходится собирать те капли, что остались в памяти от великого общения.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В период между 1922 и 1925 годом сложилась в Москве группа художников "Амаравелла", в которой я принял участие. В то время она состояла из четырех человек. Старшим по возрасту и влиянию был Петр Петрович Фатеев; Руна (В.Н.Пшесецкая) оказывала на нас наиболее сильное духовное влияние. А.П.Сардан и я были самыми молодыми членами группы. Наши творческие искания, при всем их разнообразии, были направлены на выявление глубоко скрытого духовного содержания в человеке, природе, любом явлении жизни. "Космизация сознания" - так определял акад. Вернадский эту внутреннюю работу, которая шла в науке и во всех сферах культурной жизни.

Эта работа, в которой я особенно обязан Руне и П.П.Фатееву, помогла правильно воспринять то духовное богатство, которое принес нам Рерих.

Первые вести о Рерихе пришли к нам неожиданно, через преподавателя Стэнфордского университета Генри Ланца (русского по происхождению), который приехал в СССР в марте 1926 г. От него мы узнали об огромном успехе, которым пользуется искусство Николая Константиновича в Америке, о создании в 1923 году музея Рериха, об организации Института соединенных искусств и общества "Корона Мунди" ("Венец мира") в Нью-Йорке.

На нас произвела сильное впечатление целенаправленность Николая Константиновича к объединению организаций, которые пропагандировали бы духовные, воспитательные стороны искусства. Проповедь действенности искусства, его великой преобразующей внутренний мир

человека силы была нам необычайно близкой. Естественно, родилось желание познакомиться с великим русским художником.

В это время экспедиция Рериха, в ожидании визы на въезд в СССР, задержалась в Урумчи. Лишь 26 мая она пересекла границу Союза, а 13 июня прибыла в Москву.

Об этом мы узнали из газет.

В "Известиях" от 27 июня 1926 г. было написано:

"К приезду Н.К.Рериха. В Москву после почти десятилетнего пребывания за границей вернулся известный живописец Н.К.Рерих. Истекшие годы талантливый художник провел в путешествиях по Европе, Америке и главным образом странам Востока. Всегда пристрастный к изображению природы Севера, художник начал свое путешествие со Швеции и Норвегии. Из Дании он направился в Англию, где написал ряд декораций для оперы и осуществил большую выставку, с которой посетил в течение 1920-22 гг. города Северной и Южной Америки. Посетив еще раз Европу, Н.Рерих решил расстаться с нею ради "некультурных" якобы стран Востока, открывающих художнику совершенно неисчерпаемые духовные и живописные источники творчества. Первый этап Рериха на пути Востока - древний Египет, за ним - Цейлон и Индия. Здесь художник погрузился в изучение природы и быта и завязал знакомства с представителями индийской интеллигенции (Рабиндранат Тагор, Абанидранат Тагор и др.).

Из Индии проф.Рерих отправился караваном в западный Китай, откуда экспедиция Рериха достигла советско-восточной границы близь озера Зейсан; затем участники ее по Иртышу, через Омск прибыли в Москву.

За свою десятилетнюю деятельность Н.Рерих написал громадное количество картин; большая часть из них составила целый специальный музей его имени в Америке. Надо надеяться, что художник познакомит и нашу широкую публику со своими работами, вывезенными из путешествия по Востоку, представляющими особенный интерес для советского зрителя".

Узнав о приезде Рериха, решили направить к нему меня, как племянника Александра Павловича Иванова, который писал о Рерихе ионографию и в течение многих лет был с ним в дружеских отношениях.

В один из дней конца июня я направился в Гранд-Отель (Большая Московская гостиница), где остановился Николай Константинович с семьей.

С волнением поднимался по роскошной мраморной лестнице. Постучался. Дверь приоткрылась, и на меня глянуло симпатичное молодое лицо с русой бородкой и большими темными глазами. "Неужели Рерих? -

3.

промелькнуло в сознании. - "Но он слишком юный".

"Могу я видеть Николая Константиновича?" - обратился я к неизвестному. "Николая Константиновича нет дома", - ответил юноша, - но он скоро вернется. Подождите его".

Я вошел в небольшую комнату, вроде приемной, со столом и стульями.

Из внутренних комнат навстречу мне вышла дама, и я сразу понял, что это Елена Ивановна, жена Николая Константиновича. Она улыбнулась, и в ее улыбке было нечто ободряющее, матерински-ласковое. Это чувство сердечного тепла усиливалось во время нашей беседы.

Она держалась с той простотой и изяществом, которые свойственны людям светского воспитания, легко и умело вела разговор. (В то время я еще ничего не знал о ней и о том, какова ее роль в жизни Николая Константиновича). Но сквозь условные рамки светского разговора сквозило нечто неуловимое и прекрасное - беседа сердца.

Красота и гармония ее облика была выражена более всего в глазах. Темные, глубокие, они светили мягко и проникновенно, временами вспыхивали, и огонь их освещал лицо, насыщая его мерцанием внутреннего света. Эти большие глаза, в сочетании с высокой прической (такой, как на портрете Святослава Николаевича) придавал облику Елены Ивановны нечто восточное.

Позже, в одну из бесед, я заметил: "Вы похожи на Будду". Она переглянулась с Николаем Константиновичем, но ничего не сказала.

Цвет ее лица был матовый, почти бледный, но не болезненный. Тонко очерченные губы иногда складывались в насмешливую или ласковую улыбку, и тогда на щеках появлялись чуть заметные ямочки.

Несмотря на средний рост, ее фигура производила впечатление красоты, величия, мягкой гармонии.

Я помню, она носила платья темных тонов (фиолетовое, черное), иногда отделанные мехом, прекрасно сшитые, которые удивительно гармонировали с ее обликом.

Невыразимое словами обаяние Елены Ивановны все более захватывало меня, а беседа постепенно приобретала глубокий характер.

Вспоминая об Александре Павловиче и его работе над монографией о Николае Константиновиче, Елена Ивановна расспрашивала о жизни дяди, его здоровье и работе. Я рассказал о своем влечении к искусству, о том, что с юношеских лет знаю и люблю творчество Николая Константиновича и оно мне необычайно близко.

Елена Ивановна расспросила меня о друзьях, о Руне, письмо кото-

рой она читала, о наших духовных интересах.

Она принесла из соседней комнаты ряд фотографий, снятых ею во время их последнего путешествия по Индии. Помню, это были храмы, джунгли и виды Гималаев, запечатленные в Дарджилинге.

Невольно я упомянул о Блаватской, об ее книге "Из пещер и дебрей Индостана" и других книгах по теософии. И доверчиво поделился самым заветным: о том, счастье, которое имела Елена Петровна, постоянно общаясь с У.

Я не смел спросить ее, не встречали ли они Его, не общались ли с Ним? Но она почувствовала этот вопрос. Очень часто во время беседы ее лицо менялось: оно дышало той внутренней жизнью, которая без слов изливалась на собеседника Волной Света и Радости.

В этой удивительной игре ее лица сквозило глубокое понимание мыслей собеседника и желание ответить на них, и молчаливое дыхание тайны, когда речь шла о сокровенном...

Это благостное, ласковое молчание напоминало без обиды и нравоучения о несказуемом, о том, как велико расстояние между нами, как многое еще нужно постигнуть на пути в беспредельность...

Неожиданно, быстрой энергичной походкой вошел Николай Константинович. Одетый в прекрасный светло-серый костюм, с гладко выбритой головой, с седеющей бородой, он скорее напоминал делового человека, чем художника. Но большие синие глаза, глубокие и проникновенные, излучали ласковый свет и вместе с тем были полны необычайного величия.

Елена Ивановна познакомила его со мной. Они переглянулись, и он пошел во внутренние комнаты. Быстро вернулся, держа в руках несколько книг и сел за столик, напротив меня.

Прочитав мои мысли, мои тайные вопросы, он открыл книгу ("Листы сада М." ч. II) и прочел:

"Спросят: "Кто дал вам Учение?" Отвечайте - Махатма Востока.
Спросят: "Где живет он?" Скажите: Местожительство Учителя не только не может быть передаваемо, но даже не может быть произносимо. Вопрос ваш показывает, насколько вы далеки от смысла Учения. Даже по человечеству вы должны понять, насколько ваш вопрос вреден.

Спросят: "Когда же пригожусь?" - скажите - "от сего часа до века".

Спросят: "Когда же приготовиться к работе?" - Скажите - "не теряя часа".

"Когда же будет зов?" Скажите - "даже спите чутко".

"Как же работать это время?" Скажите: "Умножив качество труда".

Так начиналась наша беседа. Трудно передать проникновенность, с которой Николай Константинович читал эти строки. Глубокая вибрация голоса; большие синие глаза, то ласковые, то сверкающие, то торжественно-углубленные – все это напоминало о присутствии Несказуемого, о предстоянии перед Высшим. И в каждом общении с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной всегда возникало это необыкновенное чувство присутствия Вышнего, невыразимого...

Никогда не испытывал я такого глубочайшего внутреннего воздействия, такой мгновенно вспыхнувшей радости. Все, о чем мечталось, все, что казалось таким далеким или несбыточным, стояло лицом к лицу.

Потрясенный, утонувший в глубине его синих глаз, всем существом внимал я великому голосу, который раскрывал передо мной Основы Учения. Он не цитировал книги Учения. Учение жило в нем, он был преисполнен присутствием Учителя, его устами говорил Учитель. Вот почему каждое слово его приобретало такую огненную убедительность.

... Много лет жизни прошло с тех пор. Много людей пришлось увидеть, но никто из них даже в малой степени не обладал этой огненной мощью духа.

Как на крыльях спускался я по лестнице, и эта окрыленность не покидала в последующие дни, недели, месяцы и годы...

"Я нашел Учителя, и радость моя безмерна", – так было записано в дневнике тех лет.

СВИДАНИЕ У ОБЕЛИСКА

В Александровском саду, у стен Кремля, стоит четырехгранный обелиск, на гранях которого запечатлены имена людей, чьи мысли рождали новые пути и новые чаяния человечества, чьи деяния потрясали мир.

Здесь, в 12 часов, в воскресенье ... июня, мы условились встретиться, чтобы вместе идти в гостиницу. Задолго до срока мы были в сборе – П.П.Фатеев, Руна, А.П.Сардан, А.К.Горский и я. Мы успели за эти несколько дней прочесть книги "Зов" и "Озарение", а также "Пути благословения", и обменивались впечатлениями о прочитанном. Я принес с собой ряд работ, так как не надеялся, что Николай Константинович сможет побывать в Новогиреево.

... Медленно поднимаемся по роскошной мраморной лестнице Гранд-Отеля. И навстречу нам звучит "Шехерезада" (ее исполняет симфонический оркестр в большом зале отеля).

Так сказка Востока вошла в жизнь^{нашу} и претворилась в реальность Учения. С тех пор тема "Шехерезады" неразрывно связана для меня с чудесным нахождением Путей Благословения.

Сердечно встреченные Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем, мы уселись за большой круглый стол: в центре хозяева и кругом - пятеро нас.

Удивительна была гармония этой совершенной Четы, объединенной космическим законом. Великая красота духовного единства!

К каждому из нас обратился Николай Константинович с вопросом: что ищет он, что считает самым важным в жизни, в чем проявляет творческое деяние?

Петр Петрович сказал о Свете незримом, искание которого есть главная задача человека и художника. И спросил: скоро ли? (подразумевая наступление Новой Эры). А.К.Горский остановился на любимой своей теме: борьба с обожествлением смерти, вера в воскресение и вечность бытия человека. Александр Павлович говорил о Скрябине и великом преобразующем значении искусства. Только Руна и я молчали, так как наше кредо уже было известно.

Эта первая беседа, которая началась как бы несколько затрудненно, все более и более оживлялась. После взаимного ознакомления, зазвучала главная тема: Учение живой этики.

Трудно, невозможно передать содержание беседы, длившейся около четырех часов.

Все основное, что содержат книги "Зов" и "Озарение", было раскрыто в огненно-ясных образах; озаренная Светом Высшего Источника, речь Николая Константиновича была проникновенна и прекрасна. Вспоминая те незабвенные часы, я с огорчением думаю: если бы она была записана! Увы, насколько известно, нет ни одной записанной речи Николая Константиновича, несмотря на огромное количество его выступлений. Может быть такие записи хранятся в музее Периха?

Да и может ли механическое исполнение передать всю глубину Озарения и мощь звучания Учения, как бы произносимого устами Учителя?!

Неповторимость духовного озарения такова, что лишь однажды входит в жизнь. И воспоминание об этом священном часе жило во всех нас и живет во мне неизменно, напоминая о реальности Братства, реальности чудесного общения...

Поистине, одного такого часа достаточно, чтобы напитать целую человеческую жизнь.

Иногда Николай Константинович останавливался, и Елена Ивановна заканчивала его мысль. Слитность и гармония их была изумительна, ибо союз их был проявлен и запечатлен в веках.

Позже, читая последующие книги Учения И Агни Йоги, я убеждался, что уже тогда они носили в себе все знания, все богатства Учения, изложенные в последующих книгах.

Основная тема, которая нам всем была особенно близка, это путь совершенствования через Красоту, Любовь и Знание. С необычайной любовью и вдохновением говорил Николай Константинович о нашей Родине, о ее великой Миссии для человечества, о построении новой жизни в нашей стране, о конце Кали-Юги.

Это будущее казалось таким осязаемо близким, таким прекрасным; мы чувствовали, что в нем найдет место и наше творчество и все лучшие искания в области науки и искусства.

Сколько ожиданий этого будущего, сколько ошибок возникло из-за неправильного понимания закона сроков!

И не было доброй, отеческой руки Николая Константиновича, чтобы рассеять заблуждения наши и направить жизнь в русло подлинного правильного действия!

Огненное утверждение Братства сверкало в каждом слове Николая Константиновича, в его проникновенных глазах, в глубочайшей убежденности. Перед нами раскрывалась широкая панорама планеты, сверкали огненные вершины Гималаев, шел рассказ о трудных путях через горные перевалы, о святынях монастырей Тибета, о встречах с высокими ламами. С замиранием сердца слушали мы о встрече с Учителем...

Высшая радость, доступная человеку, освещала лица Николая Константиновича и Елены Ивановны. Эта радость была так велика, что неудержимо проливалась на нас потоком благодати, пробуждая прекрасный ответный отклик.

После беседы я показывал свои работы Николаю Константиновичу. Он смотрел их внимательно, сосредоточенно, проникновенно. Не было никаких мелких замечаний о недостатках, о том, что следовало бы исправить. Он обращал внимание на лучшее, на то, что должно было рассти и развиваться. Глядя на произведение, которое ему понравилось, он даже понижал голос и как-то особенно проникновенно говорил: "Вот это хорошо!" или: "Работайте в этом направлении". В этом отношении великого художника было так много укрепляющего и ободряющего. И как

общий вывод: учиться и окончить Высший Художественный Институт.

Позже, уже перед расставанием, Он написал письмо А.В.Щусеву, в котором рекомендовал меня. Оно начиналось словами "... Рекомендую Вам моего молодого друга Смирнова. Талантливый! Ему нужно окончить художественный курс ВХУТЕМАС"...

Этот завет, данный Николаем Константиновичем, был мной выполнен. Осенью того же года я поступил в Высший Художественный Технический Институт и учился там четыре года.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕД

Через несколько дней беседы были продолжены. Сколько их было? Сколько часов величайшей радости и счастья пришлось пережить? Теперь уже трудно ответить на этот вопрос. Можно только поражаться, как много времени находил Николай Константинович для бесед с нами, несмотря на свою огромную занятость. Повидимому, этих бесед было пять или шесть, и происходили они в течение месяца, в основном в июле, вплоть до отъезда Николая Константиновича 22 июля. На второй беседе нас было четверо (А.К.Горский не приходил более), а позже Руна уехала на дачу, и мы встречались втроем.

Ко второй беседе накопилось немало вопросов.

Одной из трудностей, характерных для многих, подходящих к Учению, было сочетание духовных учений Востока, доктрины буддизма с христианством.

Николай Константинович и Елена Ивановна говорили нам о связях Востока и Запада. Мы были поражены, узнав, что Христос многие годы провел в Твердыне Братства и получил там знания и благословение для выполнения Своей высокой Миссии. Было немало рассказано о странствиях и жизни Христа, и Елена Ивановна подробно описала его наружность: облик Христа сохранился в Архивах Великого Братства. Он среднего роста, величественной наружности. Волосы цвета спелой ржи падают на плечи. Глубоко-синие глаза полны силы и нежности. Лоб высок и чист. Борода чуть темнее волос, небольшая и вьющаяся.

Николай Константинович рассказывал о знаках Христа, сохранившихся в Тибете, о воспоминаниях и легендах тех народов, которые Он посетил.

Было рассказано и о некоторых посланцах Братства - о Сен-Жермене и его деятельности, о князе Воронцове, жившем в Индии, о древних связях России и Индии.

Многое из того, что они говорили, не было записано в книгах Учения (в те дни были изданы только первые две книги). Для них Учение всегда было единым целым, не расчлененным на части. Читая позже книги "Община", "Беспределность", "Братство" и другие, мы находили в них те положения, которые были когда-то раскрыты в беседах.

Значение основных положений теософии и восточной философии облегчало взаимное понимание. Елена Ивановна говорила: "С вами так легко и просто разговаривать, легко понимать друг друга. Если бы вы знали, сколько тьмы непонимания приходится нам встречать на пути!"

Сияющие струи богатства проливались на нас щедрым потоком и сохранились они только в глубоких тайниках "Чаши". Поэтому так трудно вызвать к жизни и передать даже в малой степени величие и красоту этих бесед.

Впервые прозвучали для нас новые понятия: о магнитах, закладываемых на разных точках планеты, о лучах видимых и невидимых планет, о космических воздействиях и подготовке Земли к Новой Эре, о великой битве с Темными Силами, Армагеддоне нашей планеты.

Много говорилось о Беспределности. Можно было поражаться тому умению и искусству, той красоте выражения, с которыми раскрывались перед нами самые сложные, утонченные, трудно доступные понятия.

Были и некоторые указания о жизни на планетах, ближайших к Земле. Елена Ивановна давала описание обитателей и природы Венеры (она называла ее Тишия). Там живут недолго и рождаются по призыву. Краски природы необычайны, утонченность ее соответствует состоянию Тонкого Мира. Некоторые земляне имеют возможность (по своему духовному развитию) рождаться на Венере. Можно было понять, что Елена Ивановна была в Духе на Венере, а также имела немало указаний о жизни на высших мирах от Учителя.

Во время одной из первых бесед Елена Ивановна и Николай Константинович сосредоточенно рассматривали каждого из нас и давали описание цвета ауры: у Руны - прекрасных фиолетовых тонов; у Петра Петровича - золотисто-желтая; у Александра Константиновича - зеленая; у Александра Павловича - пурпурная (с коричневым оттенком); у меня - синяя. Петр Петрович при этом невольно воскликнул: "Вот зрячие среди слепых". "И вы тоже будете со временем зрячими" - ответила Елена Ивановна.

Позже, уже у Юрия Николаевича, я узнал, что у Николая Константиновича также была синяя аура, а у Елены Ивановны — фиолетовая. Видимо, чувство родства с Николаем Константиновичем, которое возникло сразу же после первой встречи, было связано (помимо кармических причин) с цветом его ауры.

Очень много бесед было посвящено нашей стране, ее высокой Миссии

В то время мы очень мало понимали великие преобразования, произшедшие в нашей стране, и их значение для будущего. Нас занимали больше вопросы духовного развития и искусства, а ко многому происходившему мы относились по-обывательски, без должного внимания.

Между тем, находясь еще в Урумчи, а позже и по пути в Советский Союз и уже в Москве, Елена Ивановна записывала многие беседы У., которые позже составили книгу "Община". Эта книга посвящена в основном "Новой стране".

И в беседах с нами говорилось многое, что позже мы прочли в этой книге, приведенной нам в 1927 году из Монголии Зинаидой Григорьевной Лихтман.

Особенно было подчеркнуто значение Ленина. "Можете представить, что в свое время Ленин уже ощущил без малейшего материального основания непреложность нового строения. Среди чуждых ему сотрудников нес Ленин пламя неугасимого подвига. Учение не прерывалось ни усталостью, ни огорчениями. Сердце Ленина жило подвигом народа".

Широко было очерчено понятие общины; коммунизм, как будущее человечества, является неизбежностью. Были подчеркнуты признаки истинного коммунизма — готовность к бесконечному труду, отсутствие страха, расширение сознания. Много было сказано о правильном понимании материализма. Материя во всех ее проявлениях всегда неизбежно несет в себе и духовное начало, и каждый атом является сочетание духоматерии. Важно расширить понимание материи — от грубой физической до тончайшей светоносной материи Огненного Мира. Позже, в своих письмах, Елена Ивановна много говорила о правильном понимании материи.

Этот круг бесед о материи и об Общине во многом оказался трудным для восприятия и поэтому к этим темам Николай Константинович и Елена Ивановна возвращались неоднократно. Только Руна была наиболее подготовлена к принятию Общины, и она потом помогала нам в этой работе.

Зато с большим увлечением, с жадностью мы расспрашивали о тех организациях, которые были созданы Николаем Константиновичем в Америке ("Корона Мунди", Музей Рериха, Институт Объединенных Искусств,

"Кор Арденс") и их деятельности.

Размах этих организаций, сочетание русского ума и американской деловитости - это было для нас ярким, неоценимым примером.

Один из дней наших встреч был посвящен посещению всех друзей. Николай Константинович вместе со мною на такси поехал сначала к Петру Петровичу, потом к Руне и Александру Павловичу.

В бедной, заваленной картинами комнате Петра Петровича Николай Константинович чувствовал себя просто и свободно.

Петр Петрович стремительно вынимал и ставил на мольберт свои работы, и Николай Константинович внимательно, устремленно и с глубоким проникновением их рассматривал. Как всегда, его замечания были краткими и касались, в основном, тех работ, которые он считал лучшими. У Петра Петровича ему больше всего понравились работы на космические темы, особенно одна большая (100 x 70 см) со звездным небом, написанная маслом. Эту работу Петр Петрович позже (в) повторил и назвал "Галактики". Николай Константинович предложил Петру Петровичу купить эту работу, и он согласился. Как я теперь себе представляю, эта работа была одной из лучших его картин.

У Руны и Александра Павловича Николай Константинович был сравнительно недолго, так как количество их работ было невелико. Трудно вспомнить сейчас подробности бесед во время поездки. Могу только сказать, что пребывание около Николая Константиновича всегда было для меня часами радости, часами величайшего счастья. Это состояние запомнилось на всю жизнь.

Видимо осмотр наших произведений имел еще одну цель, кроме знакомства с нами как художниками; Николай Константинович думал о международных выставках "Корона Мунди" и хотел удостовериться - можно ли нас пригласить. Об этом мы узнали позже, уже через Зинаиду Григорьевну.

Наступила последняя прощальная беседа. За этот месяц мы как-то необычайно сблизились с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановой и испытывали чувство любви, глубокого преклонения и привязанности. И тогда, и все последующие годы, авторитет этой великой четы оставался для нас высочайшим из земных авторитетов. Столь же глубоким было также чувство доверия, преданности и готовности к действию.

Прощальная беседа была вновь посвящена вопросам общины, а также планам на будущее. Николай Константинович сказал нам: "Скоро мы будем вне досягаемости для переписки. Пути наши пройдут по местам,

где никакая связь невозможна. Пишите Зинаиде Григорьевне Лихтман, в Нью-Йорк. Через нее будете знать о нас".

Говорилось, что ряд важных событий должен произойти в годы 1928, 1931 и 1936. Однако, никаких конкретных указаний не было. Елена Ивановна говорила нам: "Потерпите еще немного... Уже скоро. И мы скоро вернемся". Мы думали, что это "скоро" - 1931-1932 год. Но события развернулись иначе, и в последующие годы их возвращение стало невозможным.

Каждого из нас Николай Константинович ласково обнял и поцеловал на прощание.

Но мне так не хотелось расставаться с ним! И я воспользовался одним предлогом. Петр Петрович должен был принести в день отъезда и передать Николаю Константиновичу свою картину. Я пришел вместе с ним.

Уже были уложены огромные чемоданы. Вышел Николай Константинович, получил от Петра Петровича картину и вспомнил (несмотря на такое множество дел!), что он хотел дать мне рекомендательное письмо. И тут же написал небольшое письмо А.В.Щусеву, который в то время был директором Третьяковской галереи.

Еще раз обнял меня. Запомнился глубокий взгляд его синих глаз; мягкое, нежное прикосновение начинающей седеть бороды...